

УДК 291.68
ББК 86.39

**«Все белое»:
запреты в учении и практике
марийской секты «Кугу Сорта»**

Александра Александровна Песецкая

(Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия)

Научный сотрудник, ORCID ID: 0000-0003-1490-2032,

Российский этнографический музей,

191186, СПб., Инженерная ул. 4/1, тел.: +7 (812) 570-58-08,

E-mail: sanny341@yandex.ru

DOI: 10.31168/2658-3356.2018.15

Аннотация: В статье исследованы основы учения марийской секты «Кугу Сорта». Данное религиозное течение появилось в 1870-х годах в Яранском уезде Вятской губернии, что существенно повлияло на религиозную ситуацию в регионе. Доктрина секты основывалась на прочной системе запретов и предписаний, устанавливающих границы идентичности в полиэтническом пространстве. В качестве первоисточника в статье рассматривается «Прошение на Высочайшее имя», направленное на получение разрешения придерживаться учения, разработанного членами секты в 1887 году. Петиция имеет форму самопрезентации «Кугу Сорта», содержит основные положения учения и краткие их объяснения. На основе петиции, а также имеющихся описаний секты, появившихся в XX в., в статье выявляются причины возникновения запретов, рассматриваются способы их выражения в повседневном и ритуальном контексте, а также определяется место в религиозной системе секты.

Ключевые слова: *Кугу сорта, секта, религиозное течение, марийцы*

Территория Среднего Поволжья отличается полиэтничностью и многоконфессиональностью. Это место пересечения основных религий (христианства и ислама), тесное взаимодействие которых привело к появлению религиозного синкретизма и различных религиозных течений. С 70-х гг. XIX в. особую известность приобрело движение «Кугу Сорта», которое традиционно принято классифицировать как

секту, что обусловлено историческим периодом ее существования и не имеет оценочного характера.

Марийская секта «Кугу Сорта» («Большая Свеча») представляет собой любопытный историко-культурный феномен. Изначально малочисленное объединение, возникшее на религиозной почве, превратилось во влиятельное общественное движение за полвека. Причины его активного распространения кроются в ряде факторов, среди которых ведущее место занимала система учения кугусортинцев, основанная на комплексе ограничений. Они включали в себя визуальные, материальные, пищевые и нравственные запреты. В статье будут рассмотрены причины их возникновения, формы функционирования и место в религиозной системе «Кугу Сорта».

Основополагающая идея основателей «Кугу Сорта» состояла в том, чтобы «сохранить свою национальность среди русского народа» [РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Д. 111. Л. 62], то есть установить культурные границы в полиэтничном регионе. Активное внедрение православия, попытки принудительной ассимиляции способствовали актуализации этнического самосознания. Изменение привычного окружения привело к ощущению отчуждения и ответной регламентации обрядовой жизни. Вариативные фрагменты марийских обрядов, взятые в качестве основы учения, приобрели фиксированные рамки. Ведущей идеей лидеров «Кугу Сорта» стало проведение политики архаизации быта, возврата к «древней языческой вере» [РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Д. 111. Л. 7]. Такой возврат они рассматривали в виде усиления регуляции общественной жизни, в использовании сакральных нарративов и религиозного символизма.

Первые сведения о «Кугу Сорта» появились в печати в 70-х гг. XIX в. и носили сдержанный характер. Малочисленность секты поначалу не вызывала опасений у русского духовенства и властей. С легкой руки миссионеров закрепилось и название, хотя последователи называли свое учение *Йумын вийаки вэра*, то есть «Божья правильная вера» [Саберов 2016]. В докладе на имя обер-прокурора Священного Синода о происхождении секты сообщается следующее: «Секта Кугу-Сорта наблюдается в Яранском уезде лет 10–12. Основанием ее нужно считать крестьянина Кадамской волости дер. Люперсола Степана Якимова, который еще в 1879 году подавал на имя Вашего Высокопревосходительства прошение о разрешении

исполнять некоторые обряды, усвоенные от предков» [РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Д. 111. Л. 3]. Однако, вопреки непродолжительной истории этого религиозного движения, его участники искали истоки своего вероучения в прошлом, создавая нарративы, связанные с древним происхождением. Поиск прочного исторического фундамента имел для кугусортинцев принципиальное значение, поскольку давал возможность обозначить временную устойчивость, древность своего учения и претендовать на легальность. Интуитивно организаторы «Кугу Сорта» понимали важность обращения к мифу о происхождении, поскольку «исток индивидов и групп оказывают давление на то место, которое они занимают в социальном и космическом порядке» [Годелье 2007, 208].

Попытки узаконить свое положение предпринимались активистами учения неоднократно. Наконец, внимание общественности привлекло участие «Кугу Сорта» в Казанской научно-промышленной выставке 1890 г., а награждение грамотой было воспринято сектантами как поощрение со стороны государства [РГИА. Ф. 797. Оп. 74. Д. 523. Л. 2].

Изначально состав «Кугу Сорта» был невелик: ее актив включал членов одной расширенной семьи. В 1890-е гг. численность составила уже около 200 человек [Попов 1984, 176]. Однако в 1912 г., через девять лет после выхода Манифеста от 26 февраля 1903 г. о свободе вероисповеданий, официальная статистика заявляла о 273 кугусортинцах [Попов 2012, 56]. Неофициальные же наблюдения показывали, что на тот период «в трех смежных уездах почти половина черемисского населения тяготеет к новой секте» [Кузнецов 2009, 272]. В данном случае имелись в виду три уезда Вятской губернии: Яранский, Уржумский и Малмыжский. Число проживавших на данной территории марийцев по данным переписи 1897 г. составило 134 470 человек. Таким образом, религиозное течение разрасталось количественно и территориально, привлекая все новых участников. «Кугу Сорта» достигла расцвета в 1917 г., когда на Первом всероссийском съезде мари представителем от Вятской губернии был избран кугусортинец В.Т. Якманов [Кондратьев 2009, 63]. После 1940-х гг. секта выпала из фокуса научных исследований, упоминания о последних ее потомках появляются только в 1980-х гг. [Старостенков 1990, 144]. В настоящее время в республике функционирует несколько течений,

называющих себя «Кугу Сорта» и ведущих подпольный образ жизни [Филатов 2002, 159].

В конце XIX в. численный рост «Кугу Сорта» обеспокоил власть, что привело к ссылке наиболее активных участников в Томскую губернию. Репрессивные меры привлекли внимание интеллигенции: в разное время о секте писали известные этнографы и краеведы: С.К. Кузнецов, С. Нурминский, С.М. Соколов, Я.Д. Коблов, В.А. Мошков, В.М. Васильев, Н.М. Маторин [Кузнецов 1909; Нурминский 1893; Соколов 1895; Коблов 1905; Мошков 1901; Васильев 1927; Маторин 1929]. Участники движения охотно шли на контакт, рассчитывая на популяризацию своего учения. Благодаря этому в распоряжении историков оказался ряд качественных и подробных описаний быта «Кугу Сорта», рассмотренного сквозь призму образованных кругов общества.

Однако у исследователей есть возможность опираться на источник, в котором кугусортинцы дают собственную интерпретацию своего учения. В Российском государственном историческом архиве сохранилось «Прошение на Высочайшее имя» об официальном дозволении придерживаться своего учения, которое, впрочем, подавалось неоднократно [РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Д. 111. Л. 6–9]. Адепты секты обращались к Святейшему Синоду (1878 г.), императору Александру III (1887–1888 гг.), Османскому султану (1891) [Таймасов 2002, 152–157; Gökgöz 2008, 63–94]. Подобные прошения были распространенной практикой среди различных религиозных групп в Вятской губернии. В первое десятилетие XX в. члены «Кугу Сорта» подали 95 коллективных прошений [Попов 2011, 119].

Содержательная часть прошения, в которой активисты «Кугу Сорта» подробно излагают основные положения своей веры, перспективна с точки зрения исторического анализа, поскольку является формой самопрезентации ее участников. Благодаря прошению можно составить представление о том, какие положения новой веры имели для ее последователей первостепенное значение. Основой учения стали элементы традиционных марийских верований, различные запреты и предписания, обозначившие границу между кугусортинцами и последователями иных религий. Приведем первую часть «Прошения»:

Дабы нам от местного нашего духовенства не было никакого помешания и стеснения по соблюдению нашей древне-чермиско-языческо-

иноверской религии, желаем разъяснить вам образ нашей религии, а именно: моление бывает у нас постоянно каждую неделю по пятницам, накануне этого дня для очищения тела ходим в баню, по выходе из бани, из ключа берем воды, не согревая ее окатываемся ей по несколько ведер, этой же водой делаем внутри домов и одежды впрыскивание и после этого остаемся от работы. Моление бывает в домах, полях и Богомольной лесной роще. Главное моление бывает ежегодно за две недели до нового года в пятницу. Приступая к молению, одеваемся во всю чистую белую нарочно приготовленную одежду, изготовленную из конопляного пенька, белой шерсти и овчин, выделанных по-белому. Фабричной одежды никогда не носим и считаем ее носить за великий грех, также считаем за великий грех носить цветную одежду, кроме белой, и одеваемся в лапти из семи лык [РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Д. 111. Л. 6–7].

Из «Прошения» видно, какое важное значение для кугусортинцев имела ритуальная чистота, занимающая ведущее место в их веровании и первое в тексте самопрезентации. Запреты, связанные с ношением одежды фабричного производства и в целом одежды любого цвета, кроме белого, также напрямую связаны с соблюдением чистоты. Ритуальные омовения водой, которые совершались каждое утро и перед каждым молением (домашним или общественным), носили регулярный характер. Даже посвящение в секту происходило на манер православного крещения – девятикратным обливанием водой. Участники движения называли себя *ош мари*, что в переводе означает «белые люди», противопоставляя себя «черным марийцам», допускающим поклонение *кереметю* – злему началу в марийской мифологии [Угрюмов 1894, 1088]. Слово *ош* в марийском языке обладает широким семантическим спектром: это и «белый», и «светлый» (имеется в виду значение «мир»), и «чистый». Таким образом, использование белой одежды в культуре марийцев – это использование одежды чистой. Чистота – *ош* – носила сакральный характер в культуре марийцев: верховное божество кугусортинцев именовалось *Ош юмо*, что в переводе означает «Светлый бог». Исходя из этих представлений, белый цвет, как синоним чистоты, имел священный характер для участников «Кугу Сорта». Следует отметить, что подобные представления о белом цвете имели глубокие исторические корни и были характерны для традиционных марийских верований, однако касались скорее обрядовой, нежели повседневной жизни.

В учении «Кугу Сорта» запреты, связанные с белым цветом ткани, распространялись и на повседневный костюм.

Белый цвет текстиля был ядром учения кугусортинцев. Одежда всегда конструировалась из белого холста либо валялась из белой шерсти. Своеобразным «культурным символом» секты стал отрез чистого холста: он вывешивался на стену внутри избы и во время молений у ворот и священных рощ. Белый холст становился своеобразным «флагом» – знаком для некрещеных черемис о предстоящем молении [РГИА. Ф. 797. Оп. 74. Д. 523. Л. 13]. Все, что не имело отношения к белому цвету (и здесь речь идет уже не только о текстильных изделиях, а о всех предметах материальной культуры вообще), было запрещено к использованию в быту. «Одежда вся белая. Видела белую из шерсти шапку, белые онучи, белые кафтаны. Вся постель и та белая», – так писала Т.А. Крюкова, побывавшая у кугусортинцев в 1939 г. во время экспедиции в Оршанский р-н Республики Марий Эл [АРЭМ. Ф. 18, Оп. 1, Д. 73. Л. 51]. Необходимо подчеркнуть, что для марийской культуры в целом характерно доминирование белого цвета в костюме. Однако он всегда сочетался с вышивкой, выполненной в традиционных цветах: красном, черном и меньше – в зеленом и желтом. Кугусортинцы не отказывались от традиционной цветной вышивки, однако размеры ее были минимизированы и полнее сохранялись в женском костюме. Что же касается обрядовой одежды (особенно женской), то она отличалась ярким и крупным декором, соответствующим общемарийской традиции, что подчеркивает его защитное и продуцирующее значение [Кузнецов 2009, 294].

Стремление к ритуальному очищению подкреплялось основополагающим запретом сектантов на использование в быту фабричных изделий: «Неизвестно, из чего они сделаны, кроме того, наши предки избегали фабричных изделий» [Васильев 1927, 23]. Для изготовления одежды сектанты использовали только определенные материалы. К ним относились конопля и шерсть, а использование хлопчатобумажных и льняных нитей было запрещено. Вероятно, что актуализация белого цвета, изготовление одежды из традиционных марийских материалов были проявлением идентичности и основывались на представлениях об «исконно марийском», отличном от культуры соседних народов, которые активно использовали в быту льняные пестрядинные ткани.

Подобные запреты касались не только одежды, но распространялись и на иные материалы:

Столы, скамейки, ведра, ковши, блюда и ложки все некрашенные и приготавливаются своими руками из самого чистого и здорового леса пород: березового и липового, котлы, сковороды, ножи во время моления употребляются медные, медь не красная и белая [РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Д. 111. Л. 7].

Вся утварь изготовлялась кугусортинцами из дерева строго определенных пород. К ним относились липа и береза, которые в марийской культуре считаются священными и имеют ярко выраженное гендерное соответствие. Липа представлялась женским, а береза – мужским началом. Такое разделение актуализировалось во время жертвоприношений в священной роще, где каждому богу приносили жертву у дерева определенной породы. Члены «Кугу Сорта» развили эти традиции в своем учении. На Казанской научно-промышленной выставке 1890 г. секта «Кугу Сорта» презентовала себя следующим набором ритуальных молитвенных предметов: столы березовый и липовый, подстольная подстилка, ступа для муки и пест, два бурака для меда, два черпака к ним, три двучленных ковша, четыре одночленных ковша, одна ложка, два блюда, два куска дерева для добычи живого огня, березовая губка к ним, деревянное ружье и сабля, овсяный хлеб, два пучка восковых свечей, две восковых подставки под свечи, холщовый колпак, сумка, барабан, гусли [РГИА. Ф. 797. Оп. 74. Д. 523. Л. 2]. Обращает на себя внимание тот факт, что все предметы, включая ружье и саблю, были изготовлены из дерева. Использование металла в быту и тем более в молениях кугусортинцев было ограничено и допускалось только там, где замена на дерево представлялась невозможной (котлы, ножи), при этом металл должен был иметь светлый оттенок. Все прочие изделия из металла были запрещены. Использование самоваров, ламп и прочих предметов также отвергалось.

Такое внимание к дереву, как материалу для изготовления бытовой и обрядовой утвари, объяснялось не только сравнительной простотой обработки и доступностью. По свидетельству описаний XIX в., «лес – это волшебный мир черемисина. Около лесу вертится все его мировоззрение» [Нурминский 1862, 34]. В традиционных

верованиях марийцев существовал культ священных деревьев, которые особо почитались и около которых оставляли жертвы. В основе почитания деревьев лежал культ предков: у каждой семьи имелось свое родовое дерево, в некоторых районах ему искусственно придавали антропоморфные формы. Таким образом, дерево в марийской культуре являлось не только благодатным материалом для изготовления бытовых предметов, но играло важную роль в обрядовых практиках. Вероятно, использование исключительно деревянной утвари членами секты «Кугу Сорта» объяснялось не только возможностью самостоятельного изготовления, но и преемственностью с традиционными верованиями.

Важнейшее место в вероучении «Кугу Сорта» занимали пищевые запреты, сформировавшие специфическую модель питания. В своем «Прошении» после последовательного описания моления кугусортинцы указывают:

В пищу никогда не употребляем из скота: свинину, кобылятину, из зверей: медведей, зайца, белку, из птиц: курицу и прочих лесных птиц и яйца, из огородных овощей: в пищу только употребляем одну капусту, остальное все не употребляем. Вина никакого не пьем, чаю тоже, табак не курим и не нюхаем [РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Д. 111. Л. 7].

К вышеупомянутым запрещенным продуктам можно отнести все изделия, изготовленные фабричным способом (конфеты, сахар, печенье и т.п.) [Васильев 1927, 25], которые также были выведены из рациона как элементы, чуждые традиционному марийскому питанию, не имеющие истинной ценности.

Любопытны запреты, связанные с мясной пищей. В «Прошении» на первом месте указаны свинина и конина. Мясо лошади являлось традиционной жертвенной пищей. Именно лошадь приносили язычники-марийцы в жертву на общественных молениях, посвященных верховному Богу Кугу Юмо. Кроме того, обряды, связанные с употреблением конины во время поминальной трапезы, встречаются в самых ранних исторических описаниях марийцев [Миллер 1791, 88]. Однако члены секты категорически отказались от употребления мяса лошадей в пищу, хотя животное продолжало оставаться продуктивным в подсобном хозяйстве. Подобные пищевые ограничения объясняются другим основополагающим кугусортинским табу – запретом крова-

вых жертвоприношений. В «Прошении» упоминается об этом, хотя подробности данного положения не раскрываются. Однако запрет кровавых жертв был принципиальным вопросом, который в итоге привел к расколу течения на несколько толков. Самым многочисленным из них стал тот, который, в целом признавая кугусортинское вероучение и связанные с ним ограничения, сохранил кровавые жертвоприношения в священных рощах [Васильев 1927, 4]. Что же касается употребления свинины, то этот запрет можно объяснить тем, что в домашнем хозяйстве марийцы свиней практически не держали: «у черемис весьма редко встречаются свиньи, не потому, чтоб не ели свинину, но из боязни уничтожения ими маленьких полей и огородов, расположенных возле околотков» [Риттих 1870, 81]. Вероятно, что запрет на употребление свинины у членов «Кугу Сорта» имел в основе утилитарные причины, однако, по свидетельству Васильева, они нашли этому религиозно-мифическое обоснование, полагая, что свинья – животное нечистоплотное и «не считается творением божьим» [Васильев 1927, 25]. Среди причин неприятия свинины в среде кугусортинцев, вероятно, имело место влияние соседнего мусульманского населения.

Среди приверженцев «Кугу Сорта» также было запрещено употребление некоторых видов диких животных. Ограничение распространялось на медведя, белку, зайца, а также лесных птиц. Медведь – часто встречающийся персонаж в мифологии финно-угорских народов. По мнению ряда исследователей, марийский праздник *Шорок-йол*, включавший в себя ряжение в животных, генетически связан с традициями обско-угорских медвежьих праздников [Тойдыбекова 1997, 159]. Очевидно, что ритуальное значение медведя, который выступал в марийской культуре в роли хозяина леса, стало достаточным основанием для возникновения запрета на употребление мяса тотемного животного в пищу. Что же касается белки и зайца, то здесь важно отметить, что эти животные приносились марийцами-язычниками в жертву *керемету*. Изначально он был связан с культом предков, а впоследствии в результате влияния православия персонифицировался и стал восприниматься, как злой дух – источник бедствий и болезней для марийского народа. В марийском мировоззрении существовал объемный список низших духов-кереметей, также нуждавшихся в мелких жертвах, которыми станови-

лись белки, зайцы и некоторые виды птиц [Кузнецов 2009, 278]. Однако в «Кугу Сорта» не признавали существования *кереметей* и во избежание возвращения к кровавым жертвоприношениям исключили указанных животных и птиц из рациона.

Отдельного внимания заслуживает запрет на употребление куриного мяса. В традиционной марийской культуре курица была непременным атрибутом обрядов жизненного цикла, особенно ярко это проявилось в похоронной обрядности. Курице отрубали голову перед выносом покойника из дома, чтобы выкупить его кровь у *Азырена* – духа смерти. Считалось, что «отнимая жизнь у черемисина, *Азырен* невидимо перерезает ему ножом горло и извлекает из него всю кровь, которую необходимо у него выкупить кровью петуха, иначе в загробном мире душа не примет надлежащего вида» [Кузнецов 2009, 97]. Жареная курица, кроме того, являлась традиционным блюдом в семейных обрядах марийцев. Однако, кугусортинцы исключили куриное мясо, а также яйца из своих пищевых предпочтений, полагая, что «кур приносили в жертву нечистому», существование которого они отрицали [АРЭМ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 73. Л. 53]. Яйцо в данном случае – универсальный продуцирующий символ, «носитель жизни в зародыше», поэтому в пищу не употреблялось [Васильев 1927, 26]. На основе сложившихся табу мясной стол у членов «Кугу Сорта» был ограничен только бараниной, говядиной и гусятиной.

Что же касается растительной пищи, то здесь введены наиболее жесткие требования: «в пищу употребляем одну капусту» [РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Д. 111. Л. 7]. Под запретом оказались картофель, лук, чеснок, морковь, свекла, горох и прочие огородные культуры. По мнению основателя движения А. Якманова, все упомянутые овощи в обиходе появились позже капусты, а потому «представляются сектантам нечистыми и отвергаются» [Васильев 1927, 25]. Однако в ходе развития учения интерпретации существующих пищевых запретов начинали видоизменяться. Так, отказ от употребления в пищу лука объяснялся тем, что он вырос «от слез, пролитых над умершими» [Васильев 1927, 25]. В то же время огурцы не употребляли в пищу потому, что «в них крест» [АРЭМ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 73. Л. 55], в чем проявляется различие православия и учения «Кугу Сорта». По сравнению с культурными растениями практически все лесные

ягоды, травы и фрукты включались в рацион кугусортинцев без ограничений. Единственный запрет касался яблок, в чем видится связь с библейским сюжетом о запретном плоде [Васильев 1927, 25]. Вино, чай и табак в «Кугу Сорта» относились к категории строго запрещенных продуктов. При этом было допустимо употребление домашнего пива (*пура*) и крепкого медового напитка (*нйрö*), что объяснимо высоким ритуальным статусом меда в жизненном укладе последователей учения. Чай же и табак считались продуктами дьявольскими. Благодаря такому непримиримому отношению к стимуляторам «Кугу Сорта» симпатизировали многие представители интеллигенции, отмечая ее положительное влияние на моральный облик марийцев [РГИА. Ф. 797. Оп. 74. Д. 523. Л. 9].

Строгие пищевые запреты стали основополагающими в вероучении «Кугу Сорта». Неукоснительно соблюдать их было довольно сложно, учитывая тот факт, что на детей кугусортинцев ограничения в еде не распространялись, а это значит, что на столе бывали и запрещенные блюда. «Взрослые, оправдывая себя греховностью и слабостью человеческой природы, часто погрешают, употребляя в пищу овощи» [Кузнецов 2009, 279]. Бедность рациона привела к тому, что полный комплекс запретов соблюдали только активисты «Кугу Сорта» – ее малочисленная ортодоксальная часть, состоявшая из основателя и его расширенной семьи.

Однако пищевые и визуальные запреты, ведущие к физическим ограничениям, были поддержаны предписаниями морально-нравственного порядка, о которых также упомянули в своем «Прошении» сектанты.

Когда начнем рубить для стола березу, перед этим просим язычно бога, чтобы нам Бог благословил срубить березу для стола, куда бы нам не понадобилось сырораствующее дерево, о мы всегда пред рубкой творим моление, не творивши моления, мы считаем за грех срубить дерево, это добро есть Божие [РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Д. 111. Л. 9].

Молитвой должно было сопровождаться любое действие, связанное с внесением изменений в природную среду – будь то убийство животного или сбор урожая. Учение «Кугу Сорта» основывалось на традиционной вере в одушевленность природных объектов, понимании ценности окружающей среды и ее генетической связи с челове-

ком. Помимо постоянного использования молитвы, кугусортинцы отказывались от употребления бранных слов. Они агитировали также за отказ от предметов роскоши [Тойдыбекова 1997, 126], провозглашая аскетический образ жизни и скромность в поведении. В совокупности комплекс запретов, начиная со строгого поста и заканчивая нравственными предписаниями, достигал своего апогея в момент инициации неопитов, после которой становились возможны некоторые послабления.

Кугусортинцы, несмотря на множественные заимствования христианских элементов и умелую их адаптацию к своему учению, отрицали связь с православным культом. «Идолопоклонству или какому-нибудь статуе или же дереву не поклоняемся, зная только единого Всевышнего бога», – гласит «Прошение» [РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Д. 111. Л. 8]. Правительственные источники подчеркивают пренебрежительное, а иногда и откровенно неприязненное отношение сектантов к православию. «Они относятся к богослужению, обрядам и таинствам православной церкви непочтительно и враждебно» [РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Д. 111. Л. 49]. В ответ на перекрещивание русского соседа кугусортинцы замечали: «Ты что мух гоняешь?», а отношение к иконам выражали еще более определенно, называя их «крашеными досками» [РГИА. Ф. 797. Оп. 74. Д. 523. Л. 11]. Однако при внимательном изучении исторических свидетельств становится ясно, что подобные высказывания зачастую становились ответной реакцией на бесцеремонные вмешательства православных священнослужителей в религиозные церемонии «Кугу Сорта». Необходимо отметить, что большая часть крещеных марийцев относилась к православию нейтрально. Синкретизм традиционных верований и христианства привел к тому, что иконы в православных церквях нередко воспринимались марийцами как изображения богов, которые могли быть включены в обрядовые практики. Итогом многочисленных жалоб от православных священнослужителей стало признание секты вредной, угрожающей политике русификации: «окончательной целью сектантов является вредное для общества желание отделения, под видом веры, черемисского племени от русских» [РГИА. Ф. 797. Оп. 74. Д. 523. Л. 13].

Обособление учения «Кугу Сорта» от православия, однако, не исключает заимствования некоторых элементов. Речь идет как об

общих положениях (единобожие, существование загробного мира и т.д.), так и о предметах культа (например, использование в обрядах вербы). Основой для создания «Кугу Сорта» послужили традиционные марийские верования, возврат к «древней языческой вере» и был самоцелью данного религиозного течения. Из смешения традиционной веры и христианства образовался оригинальный симбиоз, в котором «обрести себя» могли последователи любой религии (религиозных ограничений для вступающих в секту не было). Запреты и предписания, на которые опиралось учение «Кугу Сорта», несмотря на свою жесткость, способствовали ее расширению, так как, кроме их соблюдения, от последователей не требовались иные жертвы (в том числе финансовые). В то же время эти запреты выполняли регулятивную функцию, сужая круг посвященных до необходимого количества и позволяя тем самым придерживаться некоторой дистанции с деревенским сообществом.

Возникновение «Кугу Сорта» – проявление адаптивной коллективной стратегии поведения марийцев в сложившейся политической и экономической ситуации. Основной идеей учения стало упорядочение разнородных элементов традиционной марийской обрядности, их унификация, адаптация к исторической реальности и формирование на их основе устойчивой религиозной системы, способной объединить людей разного вероисповедания. Из «Прощения на Высочайшее имя», которое можно рассматривать как форму самопрезентации, выделяются категории фундаментальных запретов, на основе которых конструировался образ жизни участников «Кугу Сорта». К ним относятся визуальные, материальные, пищевые и нравственные ограничения, связанные с основными жизненными потребностями. Данный круг запретов формировался на контрасте с существующими религиозными формами, обозначая границы собственной идентичности.

Создание религиозного движения «Кугу Сорта» и его расцвет был обусловлен проявлением национального возрождения марийцев, что повлияло на дальнейшее развитие религиозной ситуации в регионе. Под влиянием «Кугу Сорта» возник ряд марийских религиозных группировок («Аврамова вера», «Адам-илянская вера»), целью которых было обособление от православной церкви [Попов 2011, 120–121]. «Кугу Сорта» стала своеобразным образцом органи-

зации возврата и укрепления марийской традиционной веры и национального самосознания. Несмотря на постепенное замирание деятельности в советский период, данное религиозное движение, несомненно, стало предтечей религиозных процессов в регионе в конце XX в.

Литература и источники

- АРЭМ – Архив Российского этнографического музея. Ф. 18. Оп. 1. Д. 73 «Материалы экспедиции в Горномарийский, Сернурский, Моркинский и Оршанский р-н Марий Эл. Полевой дневник. 1939». 58 л.
- Васильев 1927 – *Васильев В.М.* Марийская религиозная секта Кугу-Сорта. Йошкар-Ола, 1927.
- Годелье 2007 – *Годелье М.* Загадка дара. М., 2007.
- Коблов 1905 – *Коблов Я.* Черемисская секта «Кугу Сорта». Этнографический очерк из жизни черемис. Казань, 1905.
- Кондратьев 2009 – *Кондратьев А.А.* Марийский ученый и просветитель В.М. Васильев. Уфа, 2009.
- Кузнецов 1909 – *Кузнецов С.К.* Черемисская секта «Кугу Сорта». Опыт исследования религиозных движений среди поволжских инородцев. М., 1909.
- Кузнецов 2009 – *Кузнецов С.К.* Святые. Культ предков. Древняя история. Йошкар-Ола, 2009.
- Маторин 1929 – *Маторин Н.М.* Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. М., 1929.
- Миллер 1791 – *Миллер Г.Ф.* Описание языческих народов, в Казанской губернии обитающих. СПб., 1791.
- Мошков 1901 – *Мошков В.А.* Город Царевококшайск. Путевые заметки // *Нива*. 1901. С. 94–101.
- Нурминский 1862 – *Нурминский С.А.* Очерк религиозных верований черемис // *Православный вестник*. 1862. № 3. С. 239–296.
- Нурминский 1893 – *Нурминский С.А.* Секта «Кугу Сорта» среди черемис Яранского уезда. Вятка, 1893.
- Попов 1984 – *Попов Н.С.* К вопросу о религиозном движении в Марийском крае во второй половине XIX – начале XX века (историография и источники) // *Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края*. Йошкар-Ола, 1984. С. 174–192.
- Попов 2011 – *Попов Н.С.* Либерализация вероисповедной политики в начале XX века и ее осуществление среди марийцев // *Марийский юридический вестник*. 2011. № 8. С. 111–121.
- Попов 2012 – *Попов Н.С.* Вероисповедная политика государства и церкви в Марийском крае в начале XX века // *Марийский юридический вестник*. 2012. № 9. С. 44–59.

- РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 74. Д. 523 «О появлении среди крещеных черемис Яранского уезда нехристианской секты “Кугу Сорта”». 1904. 19 л.; Ф. 797. Оп. 58. Д. 111 «Дело о Всеподданейшем прошении черемис с. Упши и разрешении им исполнять языческие обряды». 1888–1896. 94 л.
- Риттих 1870 – *Риттих А.Ф.* Казанская губерния. Казань, 1870.
- Саберов 2016 – *Саберов Р.А.* К вопросу об историческом развитии и географии марийской религиозной секты «Кугу Сорта» // *Colloquium heptaplomeres*. 2016. № 3. С. 53–61.
- Соколов 1895 – *Соколов С.М.* Черемисское языческое вероучение «Кугу Сорта» // *Исторический вестник*. СПб., 1895. № 9. С. 727–736.
- Старостенков 1990 – *Старостенков С.А.* Этноконфессиональное движение «Кугу сорта» у мари. Хронология реальная и мифическая // *Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы*. Л., 1990. С. 141–145.
- Таймасов 2002 – *Таймасов Л.А.* Новые документы о деятельности марийской религиозной секты «Кугу Сорта» в 80-х годах XIX века // *Марийский археографический вестник*. 2002. № 12. С. 152–157.
- Тойдыбекова 1997 – *Тойдыбекова Л.С.* Марийская мифология: этнографический справочник. Йошкар-Ола, 1997.
- Угрюмов 1894 – *Угрюмов А.* Черемисы: Этнографический очерк // *Тобольские губернские ведомости*. 1894. № 52. С. 1088–1089.
- Филатов 2002 – *Филатов С.Б.* Языческое возрождение – Поволжская религиозная альтернатива // *Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России*. М.; СПб., 2002. С. 135–157.
- Gökgöz 2008 – *Gökgöz S.* Abdülhamid'e Takdim Edilen Bir Arz-ı Hâl: “Kugu Sorta” ve İslâm Halifesi // *Kebikeç*. 2008. № 26. P. 63–96.

“All is White”:

The Prohibitions of the Doctrine and Practice of the Mari Sect Kugu Sorta

Aleksandra Pesetskaia

(Russian Museum of Ethnography, Saint-Petersburg, Russia)

Research fellow, ORCID ID: 0000-0003-1490-2032, the Russian Museum of Ethnography, 191186, Saint-Petersburg, Inzhenernaya str., Russia, tel.: +7 (812) 570-58-08, E-mail: sannyy341@yandex.ru

Summary: The research article scrutinizes fundamentals of the Kugu Sorta's doctrine. The Mari sect Kugu Sorta appeared in the 1870s in Yaransky Uyezd of

the Vyatka Governorate. It affected the religious situation in the region greatly. Its doctrine was based on the sturdy system of bans and prescriptions that were meant to establish clear identity's boundary lines in the polyethnic area. The article reviews the causes of those bans and prescriptions, ways it was manifested and determines the place of the bans and prescriptions in the sect's religious system. As a primary source, the article considers the "Petition to the Highness", forwarded to obtain a permit to stick to the doctrine, elaborated by members of the sect in 1787. The petition has a form of Kugu Sorta's presentation and contains its basic provisions.

Keywords: *Kugu Sorta, sect, religious movement, Mari*

References:

- Filatov S.B.* Iazycheskoe vozrozhdenie – Povolzhskaia religioznaia alternativa // *Religiia i obshchestvo. Ocherki religioznoi zhizni sovremennoi Rossii*. Moscow; St. Petersburg, 2002. P. 135–157.
- Godelye M.* Zagadka dara. Moscow, 2007.
- Gökgöz S.* Abdülhamid'e Takdim Edilen Bir Arz-ı Hâl: "Kugu Sorta" ve İslâm Halifesi // *Kebikeç*. 2008. № 26. P. 63–96.
- Kondat'ev A.A.* Mariiskii uchenyi i prosvetitel V.M. Vasilev. Ufa, 2009.
- Kuznetsov S.K.* Sviatyni. Kult predkov. Drevniaia istoriia. Yoshkar-Ola, 2009.
- Matorin N.M.* Religiia u narodov Volzhsko-Kamskogo kraia prezhde i teper'. Moscow, 1929.
- Popov N.S.* K voprosu o religioznom dvizhenii v Mariiskom krae vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka (istoriografiia i istochniki) // *Istoriografiia i istochnikovedenie po arkheologii i etnografii Mariiskogo kraia*. Yoshkar-Ola, 1984. P. 174–192.
- Popov N.S.* Liberalizatsiia veroisповедnoi politiki v nachale XX veka i ee osushchestvlenie sredi mariitsev // *Mariiskii iuridicheskii vestnik*. 2011. No. 8. P. 111–121.
- Popov N.S.* Veroisповедnaia politika gosudarstva i tserkvi v Mariiskom krae v nachale XX veka // *Mariiskii iuridicheskii vestnik*. 2012. No. 9. P. 44–59.
- Saberov R.A.* K voprosu ob istoricheskom razvitiu i geografii mariiskoi religioznoi sekty "Kugu Sorta" // *Colloquium heptaplomeris*. 2016. No. 3. P. 53–61.
- Starostenkov S.A.* Etnokonfessionalnoe dvizhenie "Kugu sorta" u mari. Xronologiia real'naia i mificheskaia // *Sovremennoe finno-ugrovedenie. Opyt i problemy*. Leningrad, 1990. P. 141–145.
- Taymasov L.A.* Novye dokumenty o deiatelnosti mariiskoi religioznoi sekty "Kugu Sorta" v 80-kh godakh XIX veka // *Mariiskii arkheograficheskii vestnik*. 2002. No. 12. P. 152–157.
- Toydybekova L.S.* Mariiskaia mifologiia: etnograficheskii spravochnik. Yoshkar-Ola, 1997.
- Vasilyev V.M.* Mariiskaia religioznaia sekta Kugu-Sorta. Yoshkar-Ola, 1927.